

18+

ЮРИЙ КРАЮШКИН

Кровь стаи

КОГДА ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ КРОВИ

Краюшкин Юрий

**Кровь стаи. Когда
любовь сильнее крови**

«Издательские решения»

Юрий К.

Кровь стаи. Когда любовь сильнее крови / К. Юрий —
«Издательские решения»,

Они встретились на тёмной дороге. Он — берсерк-отступник. Она —
беглянка без стаи. Между ними — Привязь, которая сильнее смерти. Теперь
они одно целое. Но на них объявлена охота. За ними идёт брат-предатель.
А в тени ждёт Древний. Чтобы победить, им придётся принять свою тьму.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	9
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	12
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	14
ГЛАВА ПЯТАЯ	16
ГЛАВА ШЕСТАЯ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кровь стаи Когда любовь сильнее крови

Краюшкин Юрий

© Краюшкин Юрий, 2026

ISBN 978-5-0071-2485-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Зверь в темноте

Ночь была влажной и липкой, как свежая рана.

Я вёл мотоцикл по разбитой трассе, петляющей среди сосен. Фара вырывала из темноты только пятно асфальта и больше ничего. Остальное — чёрное, тягучее, как дёготь. Дождь уже прошёл, но воздух всё ещё держал в себе его запах: мокрую хвою, прелую землю, железо.

За плечами — рюкзак с единственной сменой белья, фляга с водой и триста евро наличными. Этого хватит на неделю, если не шиковать. Или на два дня, если стая выйдет на след.

Они выйдут, — подумал я. Рано или поздно.

Карим не прощает.

Я сжал рукоятку газа сильнее. Двигатель взревел — низко, хрипло. Мой зверь внутри отозвался коротким рыком. Он чувствовал опасность раньше, чем я. Сейчас он сжался в комок где-то под рёбрами, будто ждал удара.

И он был прав.

Запах крови ударил в ноздри за километр.

Я сбросил скорость, вглядываясь вперёд. Свет фар вырвал из тьмы обочину, перевёрнутую машину — старый «Форд», помятый, как консервная банка, — и фигуру, сидящую на корточках рядом с капотом.

Женщина.

Я заглушил мотор. Тишина упала на плечи, тяжёлая и густая. Только ветер шевелил иглы сосен.

— Помощь нужна? — крикнул я, снимая шлем. Голос прозвучал глухо, но в ночной тишине его должно было быть слышно далеко.

Она повернулась. Медленно, словно каждое движение давалось ей с трудом.

В свете луны я увидел её лицо — острое, бледное, с глазами, которые светились собственным огнём. Серебряным. Волчьим.

Мой зверь дёрнулся, ударив изнутри по рёбрам так сильно, что я перестал дышать на мгновение. Я почувствовал, как дрожит земля под ногами, хотя ветер стих, и понял: она тоже оборотень.

Она ранена.

Из-под её пальцев сочилась тёмная кровь — толчками, в такт пульсу. Она зажимала рану на боку, и даже отсюда я видел — глубоко. Опасно. Что-то рваное, когтистое. Не от аварии.

— Уезжай, — сказала она. Голос низкий, горловой, как у курящих. — Если дорожишь шкурой — уезжай прямо сейчас. Не оборачивайся.

Я не уехал. Вместо этого я слез с мотоцикла, надел шлем на руль и пошёл к ней. Шаг за шагом, нарочито медленно, показывая, что не агрессивен. Но я знал: она не верит мне. Она не верит никому.

Когда я подошёл ближе, она попыталась встать, и я увидел её движение — резкое, судорожное, полное боли и злости. Она не хотела быть уязвимой. Не хотела, чтобы кто-то видел её слабой.

— Я сказала — уезжай, — прошипела она.

— Я тоже слышал, — ответил я. — И уйду. Но сначала дам тебе воды и попробую остановить кровь. Или ты предпочитаешь умереть здесь, на обочине, под взглядом тех, кто тебя преследует?

Она замерла. Её глаза расширились — не от страха, от узнавания. Она поняла, что я знаю.

— Откуда ты знаешь, что меня преследуют? — спросила она, и в голосе дрожала сталь.

Я присел на корточки рядом с ней. Наши взгляды встретились. И в этот момент земля дрогнула.

Яркая, хлесткая боль пронзила грудь — там, где у обычных людей сердце, а у нас — Узел. Я почувствовал её запах, её страх, её усталость. И одновременно — безмерную, злую силу, которая спала внутри неё. Привязь — то самое, о чём рассказывают старые Альфы, но никто не верит, пока не почувствует сам.

Я попытался выдохнуть и не смог.

— Кто ты? — выдохнула она. Её глаза расширились, зрачки сузились до двух чёрных точек в серебряных ободьях. — Ты не человек.

— Я тоже оборотень, — сказал я, выдавливая слова сквозь сжатое горло. — И, кажется, я только что перестал быть одиноким.

Она засмеялась — коротко, сдавленно, почти истерично. И в этом смехе было столько боли, что у меня заныли зубы.

— Какая ирония, — прошептала она. — Вся стая меня искала по всей стране, а находит какой-то бродячий берсерк на ночной дороге.

— Откуда ты знаешь, что я берсерк? — спросил я, хотя уже знал ответ. Зверь чувствует зверя. А берсерк — это особый запах, запах боя, смерти и потерь.

— По глазам, — она качнула головой. — И по запаху. Ты пахнешь боем. И смертью. И ещё кое-чем...

Она осеклась. Я ждал.

— ...одиночеством, — закончила она. Её голос дрогнул. Впервые за всё время.

И в этот момент что-то щёлкнуло у меня в груди — не Узел, не зверь. Что-то глубже, старше. То, что Альфы называли «Искрой Истины». Мой внутренний зверь затих, прижался, будто в ожидании команды, и я понял: теперь я не свободен. И никогда уже не буду.

Я взял её за руку. Её пальцы были холодными, но не дрожали. Она смотрела на меня так, будто видела не меня, а что-то за моей спиной.

— Они идут, — сказала она. — Трое. Один берсерк, двое бет. Альфа — позади, но он уже знает, что я здесь. Они шли по запаху крови. И сейчас они здесь.

Я обернулся и всмотрелся в темноту между соснами. Сначала я ничего не видел, потом в ночи зажглись три пары глаз — жёлтых, как у хищников. Ярких, голодных, безжалостных. Они смотрели на нас, как смотрят на добычу.

Мой зверь взвыл внутри, требуя выйти, рвануться вперёд, вцепиться в глотки, разорвать, уничтожить. Но я сдержал его — пока. Пока не пойму, с кем имею дело.

Я обернулся к ней и улыбнулся — впервые за последние полгода.

— Хорошо, — сказал я, вставая и потянувшись. Хрустнули позвонки. — Я давно не разминался.

Она дёрнула меня за рукав.

— Ты не знаешь, кто они, — прошептала она, и в её голосе звучала тревога, которую она пыталась скрыть. — Там Карим. Он твой бывший брат? Тот самый?

Я замер.

— Откуда ты знаешь имя Карима? — спросил я тихо. Слишком тихо. Зверь напрягся, готовый к прыжку.

— Он убил мою стаю, — сказала она просто. — Два года назад. Он сжёг наш дом, искалечил моего брата, и я поклялась, что найду его и убью. А теперь он охотится за мной. И ты — его цель. Он идёт по твоему следу уже месяц. Он знает про тебя всё.

Я молчал. Внутри меня поднималась давно забытая ярость — та самая, которую я засыпал годами бега, бутылками и дорогами. Она поднималась из глубин, тёплая и липкая, заполняя каждую клетку тела.

— Истинная пара? — спросила она, и в её голосе была надежда, смешанная с ужасом.
— Это правда?

Я посмотрел на неё. На её рану, на её страх, на её упрямство. На то, как она сжимает пальцы в кулак, хотя у неё всего одна рука прижата к кровоточащему боку. На то, как она не отводит глаз.

— Да, — сказал я просто. — И если я умру сегодня, Привязь убьёт тебя следом. Так что у нас есть два варианта: драться или бежать.

Она встала.

Раненый бок, кровь, холодная ночь, враги за спиной — но она встала, распрямилась, и в её глазах вспыхнуло золото. Настоящее, древнее, волчье золото.

— Мы бежим, — сказала она. — Только сначала разберёмся с этими.

И она шагнула вперёд.

Я увидел, как её тень на асфальте начала меняться — удлиняется, обрастает шерстью, становится огромной, четырёх лапой. Зверь просыпался.

Я сделал то же самое — сделал шаг вперёд, позволяя своему зверю подняться из глубин сознания. Боль растеклась по костям, хрустнули суставы, мир стал острее, ярче, запахи — громче, цвета — глубже. Я перестал быть человеком. Я стал оружием.

Когда я обернулся на неё, она уже не была человеком. Она была волчицей — белой, огромной, с глазами как две льдинки, в которых горел лунный свет. Она посмотрела на меня, и я понял без слов: она готова. Она приняла свою природу, свою боль, свою ненависть. Теперь она принимала меня.

В голове пронеслось её прикосновение, и я услышал голос — чистый, прозрачный, как горная река.

— *Держись рядом,* — сказал я ей, и мой голос был глубже, чем я привык. — *И не вздумай умирать.*

— *Я и не собиралась,* — ответила она. И в этом ответе была сталь, сталь, которая рождается только в долгой борьбе и вере в победу.

Мы шагнули навстречу жёлтым глазам. Карим зарычал, и его рык пронзил ночь, как удар молнии. Сосны дрогнули, птицы сорвались с веток, и земля под ногами стала неустойчивой. Но я знал: с ней, с этой незнакомкой, с этой истинной парой, я мог выдержать всё.

Даже братскую кровь. Даже собственную смерть.

Вот так начинаются войны, — подумал я, когда Карим сделал первый шаг навстречу.
— *С запаха крови на ночной трассе. И с выбора, который нельзя отменить.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первая кровь

Я не люблю драться в полнолуние.

Зверь становится слишком голодным, слишком быстрым, слишком... неуправляемым. Но выбора не было. Карим стоял в пятидесяти метрах, и его жёлтые глаза горели ненавистью, которую не могли скрыть даже тени сосен. Он был в своей второй ипостаси — получеловек-полу волк, массивный, покрытый шерстью, с когтями, которые рвали асфальт как бумагу.

Рядом с ним — двое бет, молодые, амбициозные, дрожащие от желания доказать свою верность. За ними, дальше в лесу, я чувствовал присутствие альфы. Тяжёлое, холодное, терпеливое. Как паук в центре паутины. Он ждал. Наблюдал. Изучал.

Я перевёл взгляд на Зару. Она стояла рядом со мной, белая волчица, огромная и тихая, как снег перед бурей. Её дыхание было ровным, но я слышал, как стучит её сердце — часто, с надрывом. Рана на боку кровоточила, но она держалась. Зверь давал ей силы. И ненависть.

— *Не лезь вперёд*, — мысленно сказал я ей.

— *Это они тебя ищут*, — ответила она, и в её мыслях звучала сталь. — *Не отвлекайся*.

Карим сделал первый шаг. И второй. Его тело начало меняться — шерсть гуще, мышцы вздувались, хребет выгибался, пальцы срастались в лапы. Он полностью уходил в зверя, теряя человеческий контроль. Именно это делало его опасным. И именно это когда-то делало нас братьями.

— Влад, — прорычал он, и голос звучал как камни в мясорубке. — Ты предал стаю. Предал меня. Ты ушёл, когда мы были нужны.

— Я ушёл, чтобы выжить, — сказал я спокойно, но внутри зверь уже начинал расправлять плечи. — Ты знаешь правду, Карим. Ты просто не хочешь её принимать.

Он зарычал, и сосны содрогнулись от этого звука. Бет метнулись в стороны, беря нас в полукольцо. Запах страха и адреналина заполнил ночь.

— Правда? — Карим оскалился, и его пасть наполнилась острыми, как иглы, зубами. — Правда в том, что ты оставил своих умирать. Ты выбрал себя. А теперь ты нашёл пару. Истинную. Как у тебя вообще хватило наглости?

Я посмотрел на Зару. Она не дрогнула. Не отвела взгляда. В её серебряных глазах я видел отражение своей собственной боли, своего собственного одиночества, своей собственной ярости.

— Она не твоё дело, Карим, — сказал я, и мой голос стал глубже, зверинее. — Отпусти её. Отпусти нас. И я не трону тебя.

Карим рассмеялся, и смех его был похож на рык.

— Ты? Тронешь меня? Ты забыл, кто я? Я твой старший брат. Я учил тебя всему, что ты умеешь. Я вложил в тебя каждую секунду своей жизни. А ты предал меня, как предатель.

Он бросился.

Я не успел предупредить Зару — она прыгнула вперёд, белая молния, невидимая в свете луны. Её удар пришёлся по первому бете, и тот отлетел в дерево с таким звуком, будто кто-то сломал сухую ветку. Второй бросился на меня, и я встретил его грудью, позволяя зверю взять управление.

Мир сузился до одного мгновения — до запаха крови, до хруста костей, до горячей волны, разливающейся по мышцам. Мои руки стали лапами, позвоночник выгнулся, мир окрасился в серебро и черноту. Я перестал быть человеком. Я стал оружием.

Первая атака пришлась по второму бете — я взял его за горло и швырнул оземь, перехватывая его собственную ярость и возвращая её ему с удвоенной силой. Он завыл, попытался

встать, но я ударил снова, вкладывая в удар всю злость и всё одиночество, что копились во мне годами.

Когда я обернулся, Зара уже стояла над первым бетой. Она не убила его — просто сломала лапу, выбила из боя. Её дыхание было тяжёлым, но глаза оставались холодными, белыми, ясными. Без жалости.

Карим зарычал. Его тело увеличилось, потемнело, и встало на задние лапы, почти как у медведя. Он смотрел на меня сверху вниз, и на его морде застыло выражение неутолимой ярости.

— Ты выбрал её, — сказал он. — Ты выбрал чужачку. Ты убиваешь своих братьев.

— Это ты выбрал месть, — сказал я и шагнул вперёд, становясь между ним и Зарой. — Я не хочу убивать тебя, Карим. Но если ты не оставишь нас в покое, мне придётся.

Он засмеялся, низко и страшно.

— Ты? Убить меня? Даже в берсерк-форме ты мне не ровня. Я старше, я опытнее, я прошёл через такие битвы, что тебе и не снилось. Ты был моим учеником. А теперь ты — мой враг.

Он прыгнул.

Я не увернулся. Не успел. Его лапа ударила меня в грудь, и я отлетел на пять метров, врезавшись в ствол сосны. В глазах потемнело, рёбра хрустнули, и я услышал, как Зара закричала. Нет — завывала. Длинно, тоскливо, как по погибшему.

Она думает, что я мёртв.

Я поднялся. Медленно, тяжело, чувствуя, как восстанавливаются кости, как затягиваются разрывы, как зверь внутри пьёт боль и превращает её в силу.

— Я жив, — сказал я, и мой голос был чужим — низким, рычащим, почти нечеловеческим. — И я не позволю тебе причинить ей боль.

Карим замер. В его жёлтых глазах мелькнуло удивление, а потом — узнавание. Он видел этот взгляд раньше. Видел, когда я убивал альфу, угрожавшего нашей стае. И знал: в таком состоянии я не знаю пощады.

— Ты не посмеешь, — сказал он, но в голосе уже не было уверенности.

Я шагнул вперёд. Земля дрогнула под моими лапами. За спиной я услышал, как Зара переводит дыхание, как встаёт рядом, принимая бой.

— Уходи, — сказал я Кариму. — Или я убью тебя. Выбирай.

Он стоял. Смотрел на меня. Смотрел на Зару. И в его глазах я видел что-то, чего не видел раньше — нерешительность. Он не был готов к такому повороту.

— Ты пожалеешь, — сказал он, отступая на шаг. — Стая не прощает предателей. И я не прощаю.

Он развернулся и исчез в темноте леса. Бет поднялись, подхватив раненого товарища, и последовали за ним. Сосны снова затихли, только ветер шевелил иглы, сдувая запах крови и железа.

Я стоял, тяжело дыша, чувствуя, как зверь медленно отступает, возвращая мне человеческий облик. Рёбра ещё ныли, но уже не так сильно. Мышцы горели, но я был жив. Мы были живы.

Зара подошла ко мне. Её глаза снова стали человеческими — тёплыми, карими, с золотыми искрами. Она смотрела на меня, и в её взгляде было что-то новое. То, чего я не мог описать.

— Ты спас меня, — сказала она тихо.

— Ты спасла себя сама, — ответил я. — Я просто не дал тебе умереть в одиночестве.

Она усмехнулась, но в этой усмешке уже не было боли — только усталость и что-то похожее на тепло.

— Ты странный, — сказала она.

— Я знаю, — ответил я. — Идём. Нужно найти место, где можно перевязать твою рану и отдохнуть. Завтра они вернутся. И их будет больше.

Она кивнула и, пошатываясь, пошла к мотоциклу. Я подхватил её под руку, чувствуя, как дрожит её тело, как трудно ей даётся каждый шаг. Но она шла. Не жаловалась. Не просила остановиться.

Вот такая она, — подумал я. — Сильная. Упрямая. Моя.

И в этот момент я понял, что больше не хочу убегать. Что готов остаться и сражаться. За неё. За нас. За будущее, которого у меня никогда не было.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Убежище

Мы ехали в тишине.

Фара мотоцикла вырывала из темноты серые пятна асфальта, сосны сменялись берёзами, берёзы — редкими полями. Зара сидела сзади, прижимаясь ко мне, её руки обхватывали мою талию, и я чувствовал, как её дыхание согревает мою спину. Она не говорила ни слова, и я не спрашивал. Слишком много боли, слишком много вопросов, на которые не было ответов.

Через час мы добрались до небольшой деревни — вернее, до того, что от неё осталось. Пять домов, покосившийся магазин, заброшенная церковь. Спать здесь было негде, но я знал одно место — старую лесную сторожку в трёх километрах к северу.

Мы оставили мотоцикл на опушке и пошли пешком. Зара опиралась на моё плечо, и каждый шаг давался ей с трудом. Её рана снова начала кровоточить, и запах свежей крови ударил мне в нос, заставляя зверя беспокоиться.

— Держись, — сказал я. — Почти пришли.

Она кивнула, сжав зубы. И мы пошли дальше.

Сторожка оказалась целой. Покосившаяся крыша, разошедшиеся двери, но внутри — сухо и тепло. Я зажёл свечу, оставшуюся ещё с прошлого года, и осмотрел помещение. Стол, кровать с провалившимся матрасом, печь, полка с глиняными мисками. И тишина, нарушаемая только треском огня.

— Садись, — сказал я Заре. — Сейчас я обработаю рану.

Она села на край кровати, сняла куртку, и я увидел её рану — глубокую, рваную, с неровными краями. Похоже на след от когтей. Крови было много, и она не останавливалась.

— Карим? — спросил я, доставая аптечку из рюкзака.

— Нет, — ответила она, кривясь от боли. — Его бет. Они настигли меня вчера. Я хотела переждать в городе, но они нашли меня по запаху. Пришлось бежать.

Я молча обрабатывал рану, стараясь не причинять ей лишней боли. Она не жаловалась, только сжимала пальцы в кулак и смотрела в стену отсутствующим взглядом.

— Ты знаешь, что это такое, когда ты один? — спросила она вдруг. — Когда ты бежишь, и кажется, что весь мир против тебя. Когда нет ни стаи, ни дома, никого, кто пришёл бы на помощь.

Я остановился и посмотрел на неё. В её глазах были слёзы, но она не плакала. Просто смотрела на меня, будто ожидая ответа.

— Знаю, — сказал я тихо. — Я бежал два года. Бежал от стаи, от Карима, от самого себя. Бежал, пока не понял, что некуда бежать.

— И что ты сделал? — спросила она.

— Я остановился, — сказал я. — И решил, что если буду продолжать бежать, то умру не от врагов, а от собственного страха. А я не хотел умирать.

Она смотрела на меня долго, молча. А потом улыбнулась — устало, но искренне.

— Ты странный, — повторила она.

— Ты уже это говорила, — улыбнулся я.

— Значит, я права, — она откинулась на подушку, закрыв глаза. — Спасибо, Влад. За то, что не ушёл.

— Не благодари, — сказал я, заканчивая перевязку. — Я делал это не из жалости.

— А из чего? — спросила она, и в голосе зазвучала едва заметная ирония.

Я не ответил. Не мог объяснить ей то, что только начал понимать сам. Привязь, Искра Истины, зов — всё это казалось слишком сложным для этих слов. И слишком личным.

— Отдыхай, — сказал я. — Завтра будет трудный день.

Она вздохнула и отвернулась к стене. Я затушил свечу и сел у двери, прислушиваясь к ночным звукам. Где-то далеко ухал филин, шелестел ветер в кронах, и тихо-тихо, где-то на самом краю слышимости, выла стая.

Я сжал рукоятку ножа и закрыл глаза. Завтра они придут снова. И я должен быть готов.

Но сегодня — сегодня я мог позволить себе просто быть рядом. Прислушиваясь к её дыханию, чувствуя её тепло через тонкую стену тишины. Я не знал, что ждёт нас впереди, но знал одно: я не оставлю её. И если судьба приготовила нам смерть — мы встретим её вместе.

Волки не сдаются, — пронеслось у меня в голове. — И я не сдамся.

Я закрыл глаза и провалился в сон.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Пробуждение

Я проснулся от запаха.

Резкого, терпкого, до боли знакомого — запаха крови. Моей крови. Я открыл глаза и увидел, что сижу у двери, привалившись спиной к косяку, а на полу — тёмная лужа, расплывающаяся всё шире. Моя рана. Рана, которую я не заметил в пылу драки, открылась снова, и теперь я терял силы так же быстро, как и она.

— Чёрт, — выдохнул я, пытаюсь подняться, но ноги не слушались. Тело стало тяжёлым, словно налитым свинцом.

Зара спала, но звук моего голоса разбудил её. Она села на кровати, придерживая повязку на боку, и сразу увидела лужу крови.

— Что случилось? — её голос был хриплым со сна, но в нём уже звучала тревога. — Ты ранен!

— Ерунда, — попытался отмахнуться я, но мир поплыл, и я понял, что падаю.

Она оказалась рядом мгновенно — несмотря на собственную рану, несмотря на слабость, она успела подхватить меня и уложить на кровать. Её руки дрожали, когда она разорвала мою рубашку и увидела глубокий порез, идущий от плеча до груди.

— Ты дурак, — прошептала она, и в голосе было столько боли, что у меня перехватило дыхание. — Почему ты не сказал?

— Не хотел тебя пугать, — прохрипел я, чувствуя, как темнеет в глазах.

— Ты умираешь, — сказала она, и её голос дрогнул. — Ты теряешь слишком много крови.

— Я не умру, — сказал я, но в голосе не было уверенности. — Я слишком упрямый для этого.

Она засмеялась, но смех был похож на всхлип.

— Тогда помоги мне, — сказала она, и я почувствовал, как её руки касаются моего лица, как она наклоняется ко мне, и её дыхание становится тёплым и близким. — Доверься мне.

— Что ты делаешь? — спросил я, хотя уже знал ответ. Она собиралась сделать то, что делают только истинные пары. То, что связывает их навсегда.

— Я исцеляю тебя, — сказала она просто. И её зубы вонзились мне в шею.

Боль была острой и жгучей, как удар молнии, но через секунду она сменилась чем-то совершенно другим — теплом, которое разливалось по венам, силой, которая заполняла каждую клетку, светом, который проникал в самое сердце. Я почувствовал, как рана начинает затягиваться, как уходит слабость, как возвращается жизнь.

Когда она отстранилась, в её глазах стояли слёзы, но на губах была улыбка. Такая настоящая, что у меня перехватило дыхание.

— Теперь мы связаны, — сказала она тихо. — Теперь ты — моя истинная пара, и я не позволю тебе умереть. Никогда. Слышишь?

Я смотрел на неё, на её лицо, на её глаза, на её улыбку. И в этот момент я понял, что люблю её. Не за то, что она спасла меня. Не за то, что она была сильной и смелой. А просто за то, что она есть. Что она рядом. Что она моя.

— Слышу, — ответил я. И притянул её к себе.

Наш поцелуй был долгим и глубоким, как сама вечность. Мы целовались, прижимаясь друг к другу, чувствуя, как наши звери сливаются в один, как наши души сплетаются в единое целое. И в этот момент я понял, что больше никогда не буду один.

— Я люблю тебя, — сказал я, когда мы оторвались друг от друга, и голос мой звучал твёрдо, как никогда.

— Я тоже, — ответила она. — И я никому не позволю отнять тебя у меня.

Мы лежали на кровати, обнявшись, и слушали, как за окном шумит ветер. Где-то далеко была стая, но сейчас это не имело значения. Были только мы. И наша любовь. И надежда на будущее, которое мы построим вместе.

— Что теперь? — спросила она тихо.

— Теперь мы будем сражаться, — сказал я. — Мы будем бороться за нашу жизнь, за нашу свободу, за нашу любовь. И мы победим.

— Ты уверен? — спросила она, и в её глазах мелькнула тень страха.

— Я никогда не был так уверен, — ответил я. — И я никогда не был так счастлив.

Она улыбнулась и прижалась ко мне. И в этот момент я понял, что это — начало нашей истории. Истории, которую будут рассказывать волки много лет спустя. Истории о двух одиночках, которые нашли друг друга и смогли стать стаей. Стаей из двух.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Совет Альф

На рассвете мы покинули сторожку.

Зара шла рядом со мной, опираясь на мою руку, но её походка стала твёрже, а взгляд — яснее. Укус исцелил не только мою рану, но и её. Привязь работала в обе стороны — наша кровь смешалась, и теперь мы могли чувствовать друг друга на расстоянии.

— Куда мы? — спросила она, когда мы вышли на дорогу.

— В город, — ответил я. — Нам нужно найти союзников. Одни мы не справимся.

— Союзников? — она удивлённо подняла бровь. — У тебя есть союзники?

— Есть, — сказал я. — Несколько бет, которые не согласны с политикой Совета. Они скрываются в старом охотничьем домике в тридцати километрах отсюда.

— Ты им доверяешь? — спросила она, и в голосе послышались стальные нотки.

— Доверяю, — ответил я. — Я спас их жизни два года назад, когда стая хотела их казнить за неповиновение. Они обязаны мне жизнью.

— Надеюсь, они помнят об этом, — сказала она, но в её голосе уже не было страха. Только холодная решимость.

Мы ехали на мотоцикле два часа, пока не добрались до леса, где я оставил мотоцикл. Спешились и пошли пешком — так мы не оставляли следов для стаи.

Через час мы подошли к старому домику, скрытому среди сосен. Из трубы вился дым, из окон падал тусклый свет — кто-то был внутри.

Я постучал в дверь три раза. Пауза, и снова — два раза. И ещё три. Условный сигнал.

Дверь открылась, и я увидел знакомые лица: Никита, Сергей, Максим — три бет, которых я когда-то спас. Их глаза засветились удивлением, когда они увидели меня.

— Влад? — Никита шагнул вперёд и обнял меня. — Мы думали, ты мёртв. Мы слышали, что Карим начал на тебя охоту.

— Я жив, как видишь, — улыбнулся я. — И я привёл с собой гостью.

Я шагнул в сторону, и за моей спиной появилась Зара. Её взгляд был спокойным и твёрдым, и я видел, как она оценивает обстановку, как чувствует, кто друг, а кто враг.

— Это Зара, — сказал я. — Моя истинная пара.

Никита, Сергей и Максим переглянулись. В их глазах мелькнуло удивление, потом — одобрение.

— Поздравляю, брат, — сказал Никита. — Найти истинную пару — это большая удача.

— Это не удача, — ответил я. — Это судьба. И мы пришли просить у вас помощи.

— Входите, — сказал Максим, открывая дверь шире. — Рассказывайте.

Мы сели за стол, и я вкратце пересказал им историю. О предательстве Карима, о гибели стаи Зары, об охоте Совета Альф, о том, что мы должны сделать, чтобы выжить.

— Нам нужно объединиться, — сказал я. — Мы должны сформировать новую стаю, которая будет противостоять Совету.

— А что если они найдут нас? — спросил Сергей, и в его голосе звучал страх.

— Тогда мы будем сражаться, — сказал я твёрдо. — Мы не будем бегать. Мы будем стоять на своём.

Зара подала голос, и когда она заговорила, я почувствовал, как в комнате повисла тишина.

— Я видела, что такое Совет, — сказала она спокойно. — Они уничтожили мою стаю, потому что мы отказались подчиняться их правилам. Я видела, как горели дома, как умирали дети, как старые волки плакали от боли. И я поклялась, что не позволю этому повториться. Никогда.

Её голос звучал ровно, без лишней эмоции, но в нём было столько силы, что я почувствовал, как мои спутники выпрямились и замерли, вглядываясь в неё.

— Я верю тебе, — сказал Никита, и его слова прозвучали как присяга. — Мы с вами. До конца.

— До конца, — повторили остальные.

Я посмотрел на Зару, и в её глазах я увидел слёзы благодарности. Она была не одна. У неё была стая. И у меня тоже.

В этот момент я понял, что мы сильнее, чем когда-либо. Мы были стаей, и нас не разлучить никому.

Внезапно воздух наполнился тягучим, ледяным напряжением. Я почувствовал это за мгновение до того, как заметили остальные: запах альфы. И не одного — целого Совета. Они подошли так близко, что я не мог поверить, что не заметил их раньше.

Мы переглянулись, и в тот же миг дверь слетела с петель, впуская в комнату свет и тени. В проёме стояли три альфы, и в их глазах горел жёлтый огонь власти.

— Влад, — голос был глубоким и ровным, как у старого волка, знающего свой вес в стае. — Ты обвиняешься в предательстве. Сопротивление — смерть.

Я встал, выпрямился, готовый броситься в бой. Рядом со мной поднялась Зара. И я впервые за много лет почувствовал, что не боюсь. Потому что она была рядом. И мы вместе могли противостоять чему угодно.

— Мы не сдадимся, — сказал я, и мой голос был спокоен, как поверхность озера перед штормом.

Альфы переглянулись, и я увидел, как их волчья сущность вздымается, заполняя комнату, как воздух накаляется и пахнет серой. Власть звала их, а они звали в бой.

— Мы с вами, Влад, — услышал я голос Никиты, и в нём не было страха. Только готовность.

И в тот миг я понял: этот бой — за нас, за нашу волю, за каждого, кто не готов терпеть гнёт. За неё. За мою истинную пару.

Рык прокатился по комнате, и мы начали перевоплощаться. Ещё мгновение, и между нами и альфами не останется ничего, кроме самого голого желания жить по-своему.

— Во имя стаи! — крикнул я, и мы втроём (Никита, Сергей, Максим и я) шагнули вперёд, оставляя позади страх и сомнения.

Волки в человеческом облике, волки в зверином облике — мы все были готовы пролить кровь, чтобы отстоять свободу.

И в этот миг я понял: это наш час. Наш час сражаться за всё, что мы любили. За неё. За себя. За будущее, которое мы создадим, несмотря ни на что.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Первый бой

Я не помню, кто сделал первый шаг.

Помню только, как воздух взорвался рыком, и комната превратилась в ад. Альфы бросились на нас с яростью, которую я не видел никогда — они не собирались брать нас живыми. Они пришли убивать.

Первый альфа — огромный, седой, с глазами, горящими как угли — прыгнул на меня, и я едва успел уйти в сторону. Его когти распоролы воздух там, где секунду назад была моя голова. Я ответил ударом — кулак врезался в его морду, и я услышал хруст костей. Но он даже не покачнулся.

— Ты слаб, берсерк! — прорычал он, и его голос звучал как гром. — Ты не достоин даже называться волком!

— Я не волк, — ответил я, чувствуя, как зверь внутри поднимается на поверхность. — Я — смерть.

И я бросился на него.

Второй альфа атаковал Зару. Я увидел, как она уворачивается от его ударов, как её белая шерсть покрывается кровью, как она рычит и бьёт его в ответ. Она была сильна — сильнее, чем я думал. Но альфа был старше, опытнее, и я видел, что она устаёт.

— Зара! — крикнул я, но она не обернулась. Её глаза горели золотом, и она не собиралась останавливаться.

Я рванул к ней, но первый альфа преградил мне путь. Он был быстрее, чем я думал, и его удар пришёлся мне в грудь, отбрасывая к стене. Я ударился спиной о доски, и в глазах потемнело.

Когда я открыл глаза, я увидел, как третий альфа стоит над поверженным Никитой. Его когти были в крови, а на губах — улыбка.

— Твои друзья умирают, Влад, — сказал он. — И ты ничего не можешь сделать.

Я почувствовал, как внутри меня что-то ломается. Не кости — что-то другое. То, что держало меня в узде. То, что делало меня человеком.

Я перестал быть собой.

Мир стал красным — алым, кровавым, пульсирующим в такт моему сердцу. Я перестал слышать звуки, видеть лица, думать. Остался только инстинкт. Только зверь. Только жажда убивать.

Я прыгнул на третьего альфу, вонзаясь когтями в его грудь, вгрызаясь в его глотку зубами. Он закричал — высоко, пронзительно, как раненое животное. И затих.

Первый альфа бросился на меня, но я был быстрее. Я ушёл в сторону и вонзил когти в его спину, разрывая кожу, мышцы, позвоночник. Он упал на колени, и в его глазах я увидел страх.

— Не надо, — прошептал он. — Пощади.

Но во мне не было пощады.

Я добил его одним ударом.

Когда я обернулся, Зара стояла над телом второго альфы. Её белая шерсть была покрыта кровью, но в глазах горел торжествующий огонь. Она победила.

— Влад! — услышал я голос Никиты. — Сзади!

Я обернулся, но было поздно. Третий альфа — тот, который лежал с разорванной глоткой — поднялся и прыгнул на меня. Его когти вонзились мне в плечо, и я почувствовал, как мир снова начинает темнеть.

Я упал на колени, теряя сознание, но в последний момент я услышал её голос — Зары. И её рык.

Когда я очнулся, всё было кончено.

Альфы лежали мёртвыми, и их кровь пропитывала деревянный пол. Зара сидела рядом со мной, её лицо было бледным, а руки дрожали. Но она улыбалась.

— Ты живой, — сказала она, и в голосе слышалось облегчение. — Ты живой!

— А ты? — спросил я, пытаюсь встать, но тело не слушалось.

— Я цела, — сказала она. — Мы победили.

Я посмотрел на своих друзей. Никита лежал на полу, тяжело дыша, но был жив. Сергей и Максим стояли рядом, их лица были перепачканы кровью, но они улыбались.

— Мы справились, — сказал Никита, приподнимаясь. — Мы убили трёх альф!

— Это только начало, — сказал я, чувствуя, как силы понемногу возвращаются. — Совет не остановится. Они пришлют новых.

— Мы готовы, — сказал Максим. — Мы будем сражаться до конца.

Зара подошла ко мне и помогла мне встать. Я прижался к ней и почувствовал, как её тепло согревает меня, как её дыхание успокаивает моего зверя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.